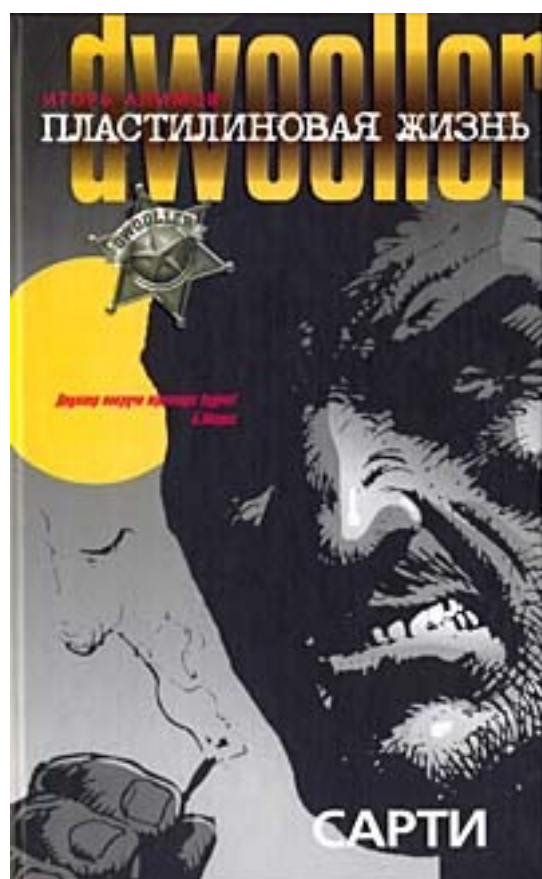

Игорь Алимов
Сарти
Серия «Пластилиновая жизнь», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2868865

Аннотация

Приключения доблестного полицейского инспектора Сэмивэла Дэдлиба продолжаются – и самым занимательным образом. Волею шерифа, а также природной склонностью к искоренению злодеев и утверждению (кулачно-прикладным образом) добра и справедливости Дэдлиб оказывается в дремучем королевстве Сарти, которым правит доблестный король Мандухай Первый, только свергнувший невесть какого по счету короля Стагнация. И таковы нравы в этих захудалых местах, что Дэдлибу хочется искоренить цвет местного дворянства – со всеми его конями, и он с превеликим трудом сдерживается, а все потому, что задание его куда сложнее, нежели парочка разгромленных кабаков и несколько оскорбленных в естестве дворян. Дэдлиба занимает лишь корпорация «И Пэн»...

Содержание

Предисловие	4
Сарти	7
1	7
2	13
3	16
4	21
5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Игорь Алимов

Сарти

Маше Зы

И другим хорошим людям посвящается

Предисловие

– Удивительные люди! И как только их до сих пор не захватили варвары! То есть я удивляюсь, как при таком подходе к делу они до сих пор умудряются варварам противостоять. Просто бардак какой-то... – Господин Дройт сокрушенно покачал головой. – В обществе не чувствуется никакой сплоченности. За исключением, конечно, страсти к собственному имуществу, то есть к вещам, и естественной потребности эти самые вещи защищать. Вещизм! И что, это вот – та самая идея, которая спланирует людей в общество?! Люлю, я начинаю думать об этом городе дурно.

– Ты прав, Аллен, прав. Разве я спорю? Да ведь только в других местах – разве там все иначе, а? Каждый сам за себя... – Люлю оживленно крутил головой: разглядывал окружающие дома. – Нет, Аллен, здесь забавно. Вот посмотри, какое милое место! – Он ткнул пальцем в монументальное двухэтажное здание справа по ходу движения. – Такие дома вселяют в меня уверенность в завтрашнем дне.

Юллиус по своему обыкновению промолчал.

Они шли по широкой немощенной улице – улица превосходила все прочие и размерами и протяженностью и вполне тянула на главную: вела почти через весь город и оканчивалась круглой площадью, на которой виднелся какой-то собор, и дома тут стояли все больше крупные, основательные, хотя, казалось, трудно выделиться основательностью в городе, ежечасно готовом к отражению потных варварских орд, мечтающих предать его мечу, огню и тотальному разграблению. И тем не менее. По вывескам в домах опознавались лавки, трактиры, было даже два банка, и коротавшие послеобеденное ленивое время перед ними на стульях джентльмены приветствовали проходящих благожелательными кивками.

Дом, на который указал Люлю, выделялся из прочих даже на этой благополучной улице: это был не дом, а просто бастион какой-то: широкий, приземистый, сработанный из титанических древесных стволов, с могучей коновязью перед входом, где на жару парились, из последних сил отгоняя мух, три понурых коня. Рядом с бревном, к которому они были привязаны, кони казались карликами.

– «Три кружки», – прочитал Люлю вывеску. – Хорошее название, звучное.

– Н-да, – подтвердил г. Дройт. – Неплохо бы узнать его этимологию.

Люлю юмористически взглянул на него. Повернулся к Тальбергу.

– Зайдем?

И зашли.

За толстенной дверью с глазком-бойницей и с надписью по низу «Пинать!» – и Люлю тут же, от души, пнул, но дверь даже не дрогнула – взорам утомленных свиданием с местной таможенной путников открылся обширный, дышащий полутемной прохладой зал: углы его терялись во мраке, но отчетливо были видны ряды широких низких бочек-столов с бочонками-стульями у стен, а также монументальная стойка как раз напротив входа – над стойкой горели неяркие, приятные глазу лампочки, бросавшие свет на ряды бутылок, стаканов, а также и на бармена.

Бармена... Он был под стать своему заведению: могучий, широкий в плечах дядька с ухоженным брюхом, красным лицом и мясистым носом, на первый взгляд головы на полторы выше господина Дройта, а господин Дройт среди малорослых никогда не числился.

Недалеко от стойки просматривалась небольшая сцена, на которой одиноко стоял концертный рояль. За роялем сидел тощий чернокожий субъект и негромко, меланхолически перебирал клавиши пальцами.

Зал был почти пуст: лишь за двумя бочками восседали какие-то господа; негромко беседуя, они потягивая пиво из высоких стеклянных кружек; на бочках горели, освещающая лица сидевших, толстые свечи, воткнутые в спиленные гильзы от пушек среднего калибра; у стойки бара на высоком табурете сгорбился какой-то бритый нескладный субъект в бесформенных портках и розовой футболке на три размера больше, чем надо.

На вошедших никто не обратил внимания. В том числе и бармен: он хмуро полировал волосатым полотенцем пивную кружку, периодически поднося ее к свету и критически осматривая результаты своих усилий.

– Свет и воздух, – заявил господин Дройт, вдыхая прохладу полной грудью. – Здесь славно. – И решительным шагом направился к стойке бара.

– Ну да, ну да, – поспешил следом Люлю.

Юллиус же давно уже торчал у сцены и внимательно наблюдал музыканта.

– Доброе время суток, – Господин Дройт уселся на табурет и уложил рядом на стойку шляпу. Великанский бармен глянул на него одним глазом, кивнул в ответ и вернулся к своей кружке. – Как у вас приятно после этой изнурительной жары...

– Чего плеснуть? Пива? – буркнул бармен, поставив наконец кружку к другим, уже обработанным. – Двадцать пять центов пинта.

– Ну отчего же сразу так уж и пива... – Господин Дройт достал трубку и замшевый кисет. – Что у вас принято пить в это время дня, уважаемый хозяин? Вот вы нам это и налейте. Три раза.

– Как скажете, – прогудел бармен и, повернувшись к пришедшим спиной, стал проделывать какие-то неясные манипуляции. Бритый налысо хихикнул в предвкушении, с интересом разглядывая г. Дройта и присевшего рядом Люлю.

– Извольте, – на стойке перед Дройтом и Люлю появились три стаканчика с бурой жидкостью и три кружки пива на пинту, приятно запотевающие на глазах. – Пьют так: сначала из стакана, а потом без перерыва из кружки. – И бармен, облокотившись на стойку, уставился маленькими блестящими глазками на пришедших.

Дройт, закончив набивать трубку, с интересом глянул на напитки.

– Аллен, это кажется очень правильное место, – сообщил ему Люлю и без всяких колебаний вылил в пасть содержимое своего стаканчика, а потом отправил туда же и пинту пива. Удовлетворенно причмокнул губами. – Прелесть такая!..

– И правда, недурно, – кивнул господин Дройт, в точности повторив его манипуляции. – Спасибо, хозяин, это именно то, что нужно усталому путнику, чтобы освежиться и отчасти восстановить утраченные силы.

Бармен удовлетворенно крякнул; на лице же бритого отразилось такое явное разочарование, что смотреть без смеха было невозможно.

– Повторить? – спросил хозяин. В голосе его угадывалось что-то, отдаленно напоминавшее дружелюбие.

– Повторить? – Господин Дройт неторопливо раскурил трубку. – Пиво – пожалуй, да, повторите. А вот ром...

– Да, – вступил Люлю, – ром повторять не надо. В задницу этот ваш ром.

– Вам не понравился мой ром? – Бармен навис над г. Дройтом, нахмурился. – Эй, Ларри, этим господам не по вкусу напиток настоящих мужчин!

Обладатель розовой майки мелко захихикал и предвкушающе потянулся к кобуре. Дройт внимательно поглядел прямо в глаза бармену.

– Когда я сказал, что мне не нравится ваш ром? Хороший кубинский ром. Я иногда балуюсь таким, правда – редко. Верно, Люлю?.. И оставьте ваш револьверчик в покое, – посоветовал он бритому, за спиной которого молчаливой статуей уже полминуты маячил Юллиус Тальберг. – Нельзя после обеда баловаться огнестрельным оружием. Это вредно для здоровья...

– Тогда что же?! – В голосе хозяина слышалась уже откровенная угроза. – Чтобы кто-то пришел к Жаку Кисленну и вот так...

– Вы – Жак Кисленн? Очень приятно, – Люлю соскочил с табуретки и шаркнул ножкой. Деревянный пол отозвался скрипом и треском. – А я – Люлю Шоколадка, позвольте представиться, а это – господин Аллен Дик Дройт.

– И мы здесь вовсе не затем, чтобы чинить обиды, – закончил г. Дройт, выпуская клуб дыма. – Мы – очень мирные люди. Но вы заговорили о напитках настоящих мужчин... Юли, иди сюда, оставь господина Ларри в покое... А это вот – Юллиус Тальберг. Он у нас молчун. Говорит очень редко. Юли, дай-ка мне свою фляжку. Вы позволите? Можно еще один стаканчик? – спросил он, принимая из рук Тальберга вместительную металлическую емкость. – На самом деле это можно пить и без пива, – заметил он, наливая из фляжки. – Но – вы правы: в жару лучше конечно с пивом. Прошу вас, выпейте с нами.

Юллиус тем временем тоже взгромоздился на табурет, понюхал налитый барменом ром, фыркнул, вылил ром на пол и поднес опустошенный стаканчик к фляжке.

– Ваше здоровье! – провозгласил между тем Люлю и единым духом проглотил налитое. – Пейте, пейте, хозяин. Вот напиток настоящих... мужчин. Ага-ага.

Бармен нерешительно взял свою порцию, понюхал, вскинул удивленно брови, потом, с сомнением поглядев на пришельцев, аккуратно вылил его содержимое в рот и проглотил.

Все напряженно наблюдали за ним.

А бармена между тем прошиб крупный пот, он вытаращил глаза, хватанул пару раз ртом воздух, ухватился за ближайшую кружку с пивом и единым глотком осушил. Перевел дух. Отер пот. И тут на его красном лице появилась счастливая улыбка.

– Что это? – выдохнул он наконец.

– «Бруно», – правдиво отвечал Люлю.

Сарти

1

Наша история красноречива, противоречива и изобилует ударами в морду. Что, например, сделал Христофор Колумб сразу после того, как открыл Тумпстаун, сошел на берег со своего легендарного корабля и узрел в непосредственной близости Лысого Джо? Разумеется, дал Лысому Джо в морду – да и вряд ли кто другой удержался бы. Ибо Лысый Джо – милый человек и приятный собеседник, торгующий к тому же «Иллюстрированной историей города Тумпстауна и ок(рестностей)», но его лицо – простите, рожа построена таким образом, что двадцать четыре часа в сутки просит кирпича независимо от того, бодрствует Джо или спит. Джо относится к тем людям, при встрече с которыми у вас появляется труднообъяснимый зуд в руках: пальцы начинают непроизвольно шевелиться, хватать всякие тяжелые предметы и как-то помимо вас пытаются двинуть этим всем в рожу Лысого Джо. Ну а поскольку у нас таких Джо – через одного, то вполне естественно, что тумпстаунская история носит крайне прикладной, а еще точнее – кулачный характер.

Итак, Колумб высадился здесь, на этом превосходном берегу, дал в морду Лысому Джо, сказал «Ух ты!», – и безо всякого перерыва заложил прямо там, где стоял, грандиозный кабак «Альмасен». Словом, за самый короткий промежуток времени совершил массу исторических дел. Мимо верхом на лошади проезжал по немаловажным делам господин Аллен Дройт, каковой и подрыл к Колумбу, внимательно осмотрел одного и вступил с первооткрывателем в весьма продуктивный диалог, нашедший отражение в исторических анналах и запечатленный фотографическим способом. Черно-белые снимки можно видеть в уже упомянутой «Иллюстрированной истории»: «Христофор Колумб и Аллен Дройт беседуют и курят трубки»; «Христофор Колумб наносит удар в лицо Лысого Джо» и так далее. (Честно признаюсь, что г. Аллен Дройт также врезал Лысому Джо вслед за Колумбом: в этом выразилось родство душ двух великих людей.)

Но я несколько заболтался. В последнее время на меня часто нападает, я заметил, такая болтливость. К чему бы это? Не остаточный ли эффект пребывания в Арториксе? Или раньше времени проснувшаяся потребность писать мемуары? Хотя возможно я просто болтлив от природы. Затрудняюсь судить. Сами разбирайтесь, если хотите.

Что же до Аллена Дика Дройта, шерифа, графа Винздорского, одного из столпов тумпстаунского общества и моего личного друга, то его славное имя проходит красной или даже золотой нитью через всю нашу героическую историю и намертво скрепляет ее отдельные эпизоды между собой. Ныне этот замечательный человек – в ту пору, когда на побережье установилась типичная тумпстаунская погода, и все стали сходить с ума от жары (у нас это любят и умеют: сходить с ума) – отозвал меня из Арторикса, подальше от океана и условно-бесплатного холодного пива, обратно в метрополию: долавливать всяких бандитов-рахимистов и трясти кабак «У гиппопотама». С моей точки зрения, все эти трогательные мероприятия могли бы и подождать, а я тем временем сыскал бы Шатла и этого бездельника Вайпера, и с наслаждением набил бы последнему морду. Я так Дройту и сказал. Мол, хочу Вайперу морду набить. Вайпер того заслуживает. Мой долг настоятельно велит мне без отлагательств набить Вайперу морду. А шериф улыбнулся мне (как он один умеет) и по-отечески молвил:

– Ты, Сэм, все же поезжай, пожалуйста. Это очень важно. Ты же понимаешь, что их всех срочно надо поймать и посадить за решетку, лучше всего в «Птичку», потому что там

для них дом родной. А тут и без тебя справятся. Тут одна рутина осталась. А немного позднее у меня для тебя будет одно важное задание.

Не могу сказать, что я так уж понимал важность и необходимость немедленного водворения рахиминистов в узилище. Да, им там самое место и все такое, но отчего такая срочность? Что тут же и сказал г. шерифу.

А Дройт выбил трубку о каблук и снова улыбнулся. Будто и не слышал.

– Возьми с собой Джилли. И Лиззи... Да, а ты, часом, жениться не собираешься?

Вот это уж, извините, мое личное дело!.. Рахиминисты – ладно, это работа, и я готов признать, что чего-то не понимаю, я даже готов согласиться с тем, что, может, есть такие вещи – очень государственные – которые мне вовсе не следует понимать и от которых пыливый мой ум надобно держать подальше. А вот тут – извините: хочу – женюсь, хочу – не женюсь. К судьбам отечества это отношение имеет весьма косвенное, но приглашения на свадьбу будут разосланы заблаговременно. Ладно, я поехал.

А вот что это еще за задание важное?..

Повинуясь мудрому распоряжению, я примчался (купно с указанными лицами) на вертолете в Тумпстаун, где уже в полнейшем мраке высадился на крыше шерифского дома, поскольку более удобной посадочной площадки в центре города не нашел. Там нас любезно встретил немой садовник Джереми с гранатометом в руках: он со всем красноречием жестов дал понять, что не выстрелил в снижающийся вертолет только потому, что решил полюбопытствовать, кто это имеет наглость навещать дом господина шерифа в отсутствие хозяина, да еще поздней ночью. Джереми рассудил, что летающие на вертолете типы могут понадобиться г. шерифу живым. Может, г. шериф захочет с ними, например, о вечном побеседовать. Или еще что.

Потом появилась мадам Аллен Д. Дройт с двумя «береттами» в руках. На Мэрил был шелковый халат и широкая шляпа изумительно белого цвета. Мэрил встала с постели, настроение у нее было весьма и весьма недружелюбное. Она спросила, какого лешего нам с вертолетом надо на крыше ее дома и не пойдем ли мы вообще отсюда к черту. Раскланявшись и сделав массу вежливых приседаний, мы покинули гостеприимный шерифский дом. Дальнейшие события разворачивались в моей квартире на улице Третьего Варварского Нашествия, а Джилли пошел в полицейское управление к дежурному – пить кофе и резаться в карты в ожидании утра.

Утром я почему-то не обрел рядом Лиззи и подумал, что ее снова похитили, но на полу в прихожей нашел записку, в каковой сонными каракулями было нацарапано, что у Лиззи разболелась голова (от чего бы это? ничего такого вчера мы не пили!), и она пошла в бар напротив запить таблетку стаканом лимонного сока. «Ну-ну», – подумал я, стремительно совершил утренний туалет, оделся, рассовал по местам пистолеты, наручники, пиво, соевые сушки и вышел из дома.

На ступеньках сидела Лиззи и потягивала через трубочку из бутылки освежающий напиток «Гук».

– Привет, – сказал я, присаживаясь рядом. – Как голова?

– Нормально, – отвечала моя боевая подруга, производя в бутылке хриплые бульканья. – Мне просто показалось, что голова болит, а когда я выпила сока, стало ясно, что голова не болит. Понял?

Я пожал плечами.

– Ну, а поесть ты чего-нибудь взяла?

Лиззи ткнула «Гуком» в лежавший слева от нее бумажный пакет.

Через минуту «сааб» нес нас в центр, к управлению полиции, и я одной рукой держался за руль, а в другой сжимал здоровенный бутерброд с телятиной, на ходу откусывая от него неприличные по размеру куски.

На площади дю Плесси было тихо и спокойно. Прогуливались редкие группы мирных граждан, лишь изредка проезжали машины и автобусы. Перед управлением торчал как чугунный столб потный полицейский с обшарпанным автоматом «Хеклер и Кох», а перед полицейским толпились голуби вперемешку с чайками. Полицейский задумчиво крошил им французский батон.

– Ну, и что теперь? – поинтересовалась Лиззи, когда я осадил машину, вспугнув голубей, и сдул с пиджака крошки.

– Как и повелело высокое начальство. Сейчас приедет Джилли, и мы поедем брать Патрика. Слышала про такого? – я откупорил первое пиво.

– Не-а. А кто это?

– Хозяин фешенебельного рахиминистического кабака. «У гиппопотама» называется. Нехороший человек.

– А, это у них что-то вроде штаба? Ну-ну.

– Вот и я говорю. Смешно да и только. Центр активной рахиминистической деятельности.

Лиззи допила «Гук» и бросила соломинку на брусчатку.

– Я тебя люблю, – сообщила она, достав помаду.

– Как, опять? Спасибо, дорогая. Хочешь сушку? – спросил я. Между нами самое что ни на есть взаимопонимание! Приятно уху и глазу. Может, нам и правда пожениться?..

Тут из подъезда управления полиции вышло десять молодых людей в одинаковых серых пиджаках и с гвоздичками в петлицах, а за ними – Джилли. Подъехал двухэтажный автобус и наша теплая компания отбыла по Патрикову душу.

Поплутав немного по кривым и многолюдным улицам Чайна-тауна, мы наконец остановились. Молодые люди в пиджаках щелкнули затворами, проверили передатчики и по одному стали покидать автобус. Они быстро смешались с пестрой толпой, исчезли с глаз долой, и нам с Джилли и Лиззи оставалось лишь слушать равнодушное шуршание рации.

А за углом, на Даун-авеню, царило буйное веселье. Там кипел рынок. Масса черных голов. Масса белых зубов. Масса иероглифических надписей: вывески, афиши, картонки, просто бумажки с цифрами. Фонарики, крики, реклама через мегафон. Торгуются китайцы от души и очень громко: шум, гам, тарарам. И кругом – лавки, лавки, лавки, лотки, лоточки, рогожки, на которых что-то разложено. Каждый делает маленький, но свой бизнес. Двухэтажные дома: в первом этаже – лавка, чайная, бильярдная и черт его знает, что еще; во втором этаже – приватная жизнь хозяев и все такое. Посреди этого великолепия высится кабак «У гиппопотама»: здание каменное, основательное, европейской конструкции, хотя крыша и с загнутыми краями. Похоже на ворота Цяньмэнь в Ханбалыке, ну разве – слегка пониже. Капитальный кабак, одним словом. Приятно, должно быть, в него зайти и спросить свежего циндаоского пива. Непременно чтоб с раками.

– Шеф, Патрик в кабаке, шеф, Патрик в кабаке, – зашелестела рация. – Посетителей немного, все рахиминисты. Прием.

– Прием, – отвечал я, – вас понял. Работайте. Мы выступаем.

Открыв второе пиво, я поглотил содержимое бутылки одним глотком и кивнул спутникам.

– Ты не забыл, что я тебя люблю? – спросила Лиззи, прикуривая от зажигалки.

– Ну что ты, дорогая, – отвечал я. – Так хочешь сушку?

Джилли натянул перчатки, инкрустированные металлом, я проверил свою «беретту», Лиззи вытащила и стала перекачивать на ладони три металлических шарика.

– Вперед, – скомандовал я.

Пропустив колонну невозмутимых буддийских монахов, чьи бритые головы величественно сверкали на солнце, мы проникли сквозь полированные двери в полутемный, ове-

янный прохладой кондиционера холл, осмотрелись и увидели вышибалу в потрясающей размерах кожаной кепке.

– Что угодно господам? – спросил он льстиво, приподнимая указанную кепку над лысой головой.

– Нам угодно! – ответил я, а Джилли огрел вышибалу кулаком. Я приковал потерявшее сознание тело к перилам, и мы проследовали дальше, в зал, откуда доносился изошренный шум.

Стоило мне показаться в дверях, как в косяк в трех с половиной сантиметрах от моего правого уха вонзился длинный ножик и принялся звучно дрожать. Хорошее начало, однако.

Посреди зала происходила схватка наших сотрудников с посетителями.

– Разрешите, шеф, – заметил Джилли, отодвигая меня в сторону. Он деловито вышел вперед и принялся сокрушать всех, кто был одет не по форме, т. е. не в серый пиджак.

Сверху неожиданно прыгнул тип с гранатометом в руках и уже собрался выстрелить – вот идиот-то! хотя рахиминисты все сплошь идиоты! нет, ну сами подумайте: стрелять из гранатомета в закрытом помещении, где не только враги, но и своих полно! Камикадзе! – как Лиззи метнула в него шариком, и оба (тип и шарик) громко упали на пол.

– Вовремя! – кивнул я.

– Когда Шатл еще был, он велел мне за тобой присматривать, – объяснила Лиззи. Я улыбнулся и едва не получил по лицу от гнусного субъекта с мутным взглядом, а следом набегали еще два его дружка. И все было бы славным, но тут субъект увидел Лиззи, в голове его явственно щелкнуло, ход мысли принял иное направление, и этот красавец заорал в полном восторге, протягивая к моей девушке свои нечистые лапы с черными обломанными ногтями:

– Ух, и изнасилую же сейчас! – Но в следующий момент совершил красивый оборот в воздухе и звучно ахнулся об пол. Боевая подруга в момент уложила и двоих других – метнула в них свои шарики, я даже моргнуть три раза не успел. Так что на мою долю выпало поработать наручниками, а я и это делаю с присущим мне блеском.

Сковав конечности бессознательных агрессоров самым причудливым образом, последнего я пристегнул за ногу к стойке бара и отошел на пару шагов полюбоваться. Получилась недурная связка. Лиззи тем временем уже тыкала пистолетом крайнему в морду.

– Где Патрик? Говори, живо!

Тыкнутый показал глазами наверх, и, воздев очи, мы увидели деревянную лестницу на второй этаж. Увенчивавшая лестницу дверь с грохотом распахнулась и оттуда явился колоссальный господин в кожаной одежде и с двустволкой в правой руке. Он был, пожалуй, такой же здоровый, как и Джилли, только немного толстоват. Распустил свой организм. Кушает много. Широкою рожу господина обтягивала кожаная маска.

Господин, рывкнув, вышвырнул вниз одного из наших людей, оказавшегося на его пути, пальнул в толпу и припустил по лестнице в зал. Лестница трещала и шаталась.

«Это Патрик», – догадались мы.

Что подумал, увидев нас, Патрик, угадать не берусь, но явно что-то незамысловатое, как и любой рахиминист.

– Лиззи, ты только глянь! Вожак горилл, – сказал я, указывая пальцем на спустившегося Патрика. Было на что посмотреть.

Но Патрик, по известным только ему причинам, не желал, чтобы мы им любовались. Он выпалил в нашу сторону из второго ствола (промазал), всхрипнул и ринулся прочь, прокладывая себе путь сквозь мебель, соратников и противников прикладом, руками и ногами – с легкостью, достойной уважения. Сотрудники полиции разлетались как пушинки.

– Патрик, стой! Ни с места! – для порядка крикнул я. Бесплезно!

На полпути к окну Патрик столкнулся с Джилли, и Джилли ударом кулака повредил ему ружье. Патрик чрезвычайно обиделся, взрычал и попытался ударить Джилли ногой, но

Джилли увернулся и ловко боднул противника. Лязгнула массивная челюсть, и Патрик улетел за стойку бара, где и скрылся с превеликим грохотом, сокрушая собой бутылки и зеркала. (Интересно: а зачем, собственно, рахиминистам зеркала? Свои гнусные рожи разглядывать, что ли?) Джилли прыгнул было следом, но ожидавший подобного маневра Патрик кинул в него ящиком с шампанским, что и прервало красивый полет могучего сержанта. Воспользовавшись паузой, Патрик ласточкой бросился в окно, дробя цветные стекла – но от Джилли было не так просто отделаться: он тут же последовал за Патриком.

С изящным по исполнению уходом Патрика побоище мгновенно прекратилось.

Мы произвели в кабаке настоящий погром, все побили и переломали. Среди обломков здесь и там лежали скованные рахиминисты и на вопрос: «За что?» – получали ответ: «За употребление наркотиков», а некоторые еще и по роже. С нашей стороны тоже имелись потери, впрочем, не очень существенные. Успех был налицо, и для полного триумфа акции не хватало только вожака горилл, повелителя бабуинов, всеобщего отца обезьян, бэтмэна с двустолкой Патрика.

Отыскав свои шарики, Лиззи спросила:

– Ты думаешь, Джилли его возьмет?

– Да, мне так кажется. Во всяком случае, я поеду следом, а ты проследи тут.

Выскочив из кабака, я наткнулся на открытый «мерседес»: машина стояла прямо перед входом и в ней сидел господин с отвисшей челюстью, напряженно глядевший куда-то вдаль. Я врезал по машине ногой и вопросительно посмотрел на него: куда?

– Туда, – ошеломленный моим напором господин взмахнул тростью в ту сторону, куда палился с таким изумлением.

– Спасибо! – поблагодарил я, вышвырнул его прочь («Полицейская операция!»), и, бешено работая рулем вырулив с Даун-авеню, где проехать было просто невозможно, рванул по параллельной улице следом за Патриком и Джилли, на ходу зубами открывая третье пиво. «Кайдэ хэн гаосин!» («У, как бодренько поехал!») – орали вслед машине восхищенные китайцы и делали руками всякие добрые жесты.

Метров через двести я ударил по тормозам и, визжа шинами, вывернул за угол. Мимо, раскидывая публику, пронесся Патрик, а через секунду – трусцой – следом пробежал Джилли. Я выскочил из машины и кинулся вдогонку: люблю побегать на свежем воздухе в компании с приятными людьми!

Патрик оставлял за собой толпе такой широкий коридор, что никаких проблем ни у меня, ни у Джилли не возникало. Преследуемый держал курс на станцию метро, где, видимо, намеревался скрыться в тоннелях. Этого допустить было нельзя, и я догнал Джилли.

– Ты его брать-то думаешь? Уйдет ведь!

– От меня не уйдет! – прохрипел Джилли и немного увеличил скорость.

– Ну смотри, – сказал я, запустив в Патрика пустой бутылкой из-под пива. Патрик злобно рывкнул.

Тут я заметил, что рядом с нами бегут еще двое: очкастый тип с видеокамерой «Хитачи» и ведущий популярной телепрограммы «Досуги» Берт Мэлон с микрофоном. Я немедленно угостил его сушкой.

– Два слова для «Досугов», господин инспектор! – заорал на бегу Берт, улыбаясь в камеру. – Как происходит сегодняшнее преследование?

– Оно, слава Богу, происходит на должном уровне и с участием самых опытных кадров! – задыхался я. «Хитачи» впился в меня. – На ваших глазах, – продолжал я, обращаясь к многотысячной аудитории и делая широкий жест, – силами полиции преследуется один из последних преступников нашего города! До встречи на телеэкранах! – Я помахал рукой и, по примеру Джилли, прибавил ходу. Телевизионщики, зная свое место, благоразумно отстали. Станция метро, между тем, была уже совсем рядом, и Патрик испустил злорадный гогот.

В это время прямо на пути предводителя бабуинов возникла группа господ в костюмах и в шелковых галстуках. Они прогуливались.

Впереди шествовал широкоплечий джентльмен с японским лицом. Покуривая трубку и размышляя о судьбах отечества, он задумчиво подставил Патрику ножку, и тот полетел кубарем, а спутники господина умелыми пинками направили летящего в нужном направлении – Патрик врезался башкой в столб и затих.

Господин с трубкой подошел к нему, исполненным природного изящества жестом выбил трубку о поверженного, достал короткий широкий нож и наклонился с намерением отрезать Патрику уши.

– О, господин князь, не делайте этого! – подбегая, взмолился я. В затылок мне дышал Джилли. Князь Тамура поднял голову.

– А, это вы, Сэмивэл, – промолвил он, выпрямляясь. – Я так и подумал, что это – ваш клиент.

2

Надеюсь, вы все уже поняли, до какой степени я талантлив и – главное! – насколько не склонен преуменьшать свою роль в общественном прогрессе. Согласитесь: без меня история, конечно, приняла бы совсем иное направление, потому что князь Тамура обрезал бы Патрику уши, а тот от обиды очнулся бы и удрал. Но нет! Появляюсь я, и Патрик остается с ушами, а мы – с Патриком. Так все улаживается ко всеобщему удовольствию. Ну не молодец ли я? Надо немедленно себя вознаградить, ибо когда еще додумается до этого наше общество!

Поэтому, проследив, как Патрика, закованного в наручники, уложили в автобус, я направился под руку с князем Тамура в расположенную неподалеку китайскую чайную «Дадун», где уже с порога спросил себе пива «Асахи».

Господин Тамура тем временем уселся за стол темного лака и милостиво направил на меня взор. Вокруг немедленно замелькали подобострастно согнутые китайские полове, украшая стол перед князем блюдами с разнообразными разминочными снедями: семечками, орешками и конфетками. Тамура презрел конфетки: он ждал чая – «принесите хорошего жасминового чаю, вы меня понимаете?» – так выразительно, что бедные китайцы не успевали даже стряхнуть пот с кончиков носов. За спиной г. Тамура возвышались два самурая из его команды и с осуждением глядели на хозяина чайной Чжан Ли-туна, улыбавшегося самой угодливой из своих улыбок из самого дальнего угла.

Я проследил, правильно ли наливают пиво в мой стакан – наливали правильно – и достал сигары. При виде продукции Леклера японский князь слегка поднял брови – одобрительно. Перед ним уже появилась чашка с крышечкой, в коей находился жасминовый чай.

Тамура смежил веки, затем открыл глаза и тут задумчивый взгляд его наткнулся на лучащуюся радушием физиономию Чжана. На лице князя отразилось легкое недоумение – это еще что и почему? – чутко уловив взгляд и мгновенно его истолковав, один из самураев обогнул стол, приблизился к хозяину чайной и аккуратно выставил его за дверь.

– Ну-те, – молвил сиятельный князь, сдвигая крышечку и вдыхая аромат: достаточно ли хорош чай. Поморщился. Ну ладно, сойдет. – Что вы скажете мне приятного, Сэмивэл?

Из-за спинки кресла на меня внимательно смотрели бесстрастные самурайские очи: «Что ты ответишь немедленно их сиятельству?» – и от этого взгляда становилось слегка неуютно.

– Да что вам, собственно, сказать... Нашли мы мисс Энмайстер. А вот господин Шатл все так же не обнаружен... Опасность государственного переворота присутствует по-прежнему. А в остальном все спокойно... – поспешно поддержал я светскую беседу.

– Да? Очень мило. Есть время выкурить сигару, – равнодушно обронил г. Тамура и я тут же предложил ему одну. Князь величественно кивнул, специальными позолоченными ножничками обрезал кончик, обстоятельно прикурил от возникшей из-за спины серебряной зажигалки и стал пить чай. (Это ужасно! Я как представляю, что там, в этой жидкости, плавают цветы жасмина, так прямо – бр-р-р! Но кто я такой, чтобы навязывать сиятельному князю свои представления о прекрасном? И я отхлебнул пива.)

– А кого это вы там на улице поймали? – тонко польстил мне японский князь.

– Да так, знаете ли, бандит один. – Я наклонил голову в знак благодарности: не прогуливайся князь и его спутники в Чайна-тауне в это время, Патрик мог бы и впрямь достичь чаемых тоннелей метро.

– Он там у вас не убежит?

– Да нет, с ним остался Джилли.

– Я опасаюсь, что он все-таки убежит, – меланхолично заметил г. Тамура.

Я пожал плечами. Может быть, Патрик и убежит, хотя это маловероятно, когда с ним Джилли... Но г. Тамура уже погрузился в смакование чая.

– О чем это вы задумались, Дэдлиб? – внезапно спросил он.

– Да так, все беспокоюсь, как бы государственный переворот не случился.

– А ваш начальник, господин шериф на что? – удивился князь. – По-моему, в вашей организации думает именно он.

– Логично, – согласился я. – Но никто не может и мне запретить беспокоиться о судьбах страны и государства. Я, в конце концов, патриот.

– Как приятно это слышать, – заметил г. Тамура с улыбкой. – Когда я впервые увидел вас, Сэмивэл, я сразу прочел на вашем лице все самые лучшие качества, присущие думающему человеку, и вы мне стали симпатичны. – Он снова обратился к чашке.

Я допил пиво и выразительно постучал долларом по столу, но на стук никто не явился. Я недоуменно посмотрел на г. Тамура, и тот обратил взор на свиту. Один самурай отделился от общей массы, скрылся в дверях, и вскоре извлек из глубин чайной прихрамывающего Чжан Ли-туна: лицо и одежда хозяина чайной были живописно посыпаны какой-то гадостью, по виду напоминающей имбирь. Ну да, совершенно точно – имбирь. Пахнет во всяком случае имбирем.

– Старина, – обратился я к нему, – как-то ты испачкался... Приволоки мне дюжину пива или, если у тебя есть бочонки, то лучше пару бочонков... Я уже который раз собираюсь на уикэнд съездить на море. Туда, где нет отелей и цивилизации, – пояснил я князю.

Чжан Ли-тун незамедлительно доставил требуемое. Расплатившись, я поднялся.

– Разрешите откланяться, – галантно сказал я. – Ибо дела неотложные и очень уголовные призывают меня. Приятно было с вами, князь, увидеться.

– Да, – согласился г. Тамура. И добавил: – Сегодня приходите в «Тамура-хаус» вместе с господином шерифом. У нас будет маленький прием для своих.

– Но шериф в Арториксе...

– Я надеюсь, он не пропустит вечер для своих и приедет. Во всяком случае, вы приходите обязательно. С вашей дамой, – произнес князь. Видя мое замешательство, уточнил: – С той же самой дамой, с которой вы приехали в Арторикс, с мисс Энмайстер. Вы, кстати, не собираетесь ли жениться?

Да они сговорились!..

Отвесив сообразный случаю поклон, я подхватил пиво и пошел к выходу, краем уха слыша, как светлейший князь изволил вступить в беседу с хозяином и для разминки задал вопрос:

– А кстати, отчего не играет музыка?..

Действительно, почему? Почему не играет улаждающая тонкий слух музыка, если Тайдзо Тамура наслаждается жасминовым чаем? Даже странно как-то.

И только я перешагнул порог, как рядом затормозила мощнейшая «хонда», и взмыленный Джилли с несчастным видом в три приема доложил:

– Он... ушел... шеф!

– Кто?

– Патрик...

Джилли был убит горем. Князь Тамура как в воду глядел! Вот что значит – государственный человек! Ничего, когда-нибудь и я стану таким. Каких-то двадцать пять лет усиленного умственного труда...

– Очень мило с твоей стороны! – сказал я, критически оглядывая Джилли с ног до головы. – Ну... и как это произошло?

– Да он, гад, порвал наручники, а потом укусил меня! – Джилли стал тыкать пальцем в окровавленное ухо. – Я до того обалдел от такой наглости, что забыл, что делать, а он вышиб

окно у автобуса, расшвырял ребят и выбросился на проезжую часть, а потом нырнул в люк. Там как раз труба лопнула, и ее ремонтировали. Люк был открыт... А люк сообщается с метро и...

– Прекрасно! Просто замечательно! – я начал сердиться. – Вот что, Джилли, ты мне этого Патрика, пожалуйста, поймай! Он мне нужен для разговора! Я хочу с ним побеседовать, ты это понимаешь? Бери людей и обшарь все метро, но чтобы Патрик у меня был.

– Слушаюсь, шеф! – Джилли вскочил на свою «хонду» и, исполненный служебного рвения, с ревом умчался.

Мобильник в кармане сыграл «Little Piggies».

– Да?

– Сэмивэл, дружок, как там у тебя дела? Похватал негодяев? – раздался веселый голос г. шерифа.

– Да, похватал, похватал!.. Только Патрик сбежал.

– Как же это ты? – искренне огорчился Дройт.

– Да я хотел застегнуть на нем три пары наручников, а потом подумал, что отправляю его с Джилли, и вот...

– Ну-ну. Ты теперь его найди, слышишь? И остальных схваченных поспрошай, а особенно интересуйся политической смычкой гангстеров с рахиминистами. Понимаешь?

– Да, Аллен... У Тамура, кстати, сегодня вечер назначен.

– Я помню, он мне говорил. Ну, все. – И Дройт отключился.

А я, чертыхаясь, пошел в управление.

Тьфу, черт! Проклятый Патрик! Весь день насмарку! Сиди теперь, мелочь всякую допрашивай...

3

– Ну ладно, хватит, – объявил я сидящему напротив меня на привинченном к полу стулу Мишелю Сакстону, приглушил магнитофон, из которого неслись звуки несомненно крутой группы «Кретинос Бэнд» (однажды я заметил, что самозабвенное музицирование этой банды отчего-то оказывает на допрашиваемых самое благотворное воздействие: после пяти минут прослушивания они становятся суетливыми, глаза их начинают непроизвольно бегать, а пальцы – судорожно сжиматься, подготавливая тем самым почву для очищающего душу признания и приближая момент, когда я нажму на клавишу «выкл»), и взялся за пиво. За очередное по счету пиво. – Учтите, если вы не будете давать мне показания, то вы их дадите Джилли Эвансу, а он будет к вам обращаться только на «ты». – Я откупорил бутылку.

– Он всегда так невежлив? – поинтересовался Мишель Сакстон, развязано закидывая ногу на ногу, хотя и до того он сидел в достаточно наглой позе. – А как же всякие там права и демократические свободы?

Сакстон – человек очень известный в некоторых кругах нашего славного города и – главное! – ок(рестностей), и мы в полиции давно мечтали поймать его с рукой, засунутой по локоть в чужой карман. Однако Мишель наловчился так быстро выдергивать руку обратно, что нам никак не удавалось найти никаких формальных поводов для задержания этого прохвоста. На удивление, Мишель оказался среди схваченных во время рейда в кабак «У гип-попотама» и даже, забывшись, оказал сопротивление. Возопив от радости, на него накинулось сразу трое наших бравых сотрудников, и Мишель тотчас понял, как оплошал. Но было уже поздно: со скованными между ног руками он, согбенный, был немедленно отправлен в полицейский участок.

Странно, но «Кретинос Бэнд» на Сакстона никакого благотворного воздействия пока не оказал...

– Нет, Джилли Эванс бывает весьма вежлив, когда имеет дело с приличными джентльменами и с дамами, – ответил я Мишелю и отпил пива. Сакстон сверлил бутылку страстным взглядом. – Но вы, судя по вашему поведению, человек неприличный и, к тому же, не джентльмен. А прав и свобод у вас полно. Полно!

– Как это? – Сакстон даже чуть со стула не свалился от удивления. – Чем я не джентльмен? Или джентльмены теперь больше не могут зайти выпить и закусить в то место, какое им попадаетеся на пути? У джентльменов уже нет свободы выбора?

– Свобода выбора – неотъемлимое достояние джентльмена, но джентльмен не оказывает сопротивления сотрудникам правоохранительных органов, находящимся при исполнении служебных обязанностей. По определению.

– А сотрудники предъявляют при этом удостоверения? Предъявляют? – загорячился Мишель, безуспешно дергая стул за спинку: наверное, хотел оказать овередное сопротивление. На сей раз стулом. – Я, между прочим, думал, что меня грабить пришли.

– Ну да, решили отобрать все двенадцать долларов и сорок семь центов мелочью, имевшиеся у вас в карманах в момент задержания. Такая фантастическая добыча ударила бы бандита в голову! – усмехнулся я.

– А может, это мои последние деньги! Скопленные на черный день! Кому какое дело!.. И вообще, дайте закурить, – потянулся Мишель к коробке леклеровских сигар на моем столе. Я проворно заменил ее на пачку китайских сигарет «Белая овца», без фильтра и крайне вонючих. Мишель с отвращением отдернул руку и наградил меня взглядом.

– Вот что, господин... – Я глянул в протокол. – Господин Сакстон. Хочу вам сказать, что вы мне порядком надоели, и я испытываю желание отправить вас с вашими правами и

свободой выбора обратно в камеру и продержат там месяца три, но из гуманистических соображений последний раз предлагаю вам не валять дурака и отвечать на мои вопросы.

– Между прочим, за оказание сопротивления при задержании мне положено полтора месяца или штраф до пятисот долларов, – заметил ушлый Мишель. Молодец, уголовный кодекс он знает. Сегодняшний его вариант.

– Ошибаетесь, господин... э-э-э... Сакстон. За убийство полицейского при задержании полагается гораздо больший срок.

Мишель вскочил. Он был вне себя.

– Сядьте, чего это вы распрыгались? При операции в кабаке «У гиппопотама» было убито несколько полицейских. Чем вы докажете, что это не ваша работа? Может, у вас свидетели есть?

От неожиданности у Мишеля отвисла челюсть.

– Я... Я буду отвечать только в присутствии моего адвоката.

– Да что вы? – восхитился я. Терпеть не могу, когда они так говорят! – Неужели же так-таки только в присутствии? А у вас и адвокат имеется? Надо же! Должно быть, хороший адвокат. Дорогостоящий. Высокооплачиваемый. Не так ли? – Мишель молча разглядывал свою коленку. – Ну так вот, господин... э-э-э... Сакстон. Я намерен немножечко нарушить ваши драгоценные права. Некоторые из них. Знаете, как это бывает? Раз – и нарушил.

– Что вы имеете в виду? – Мишель нахмурился.

– Да ничего особенного, дорогой... сэр. Я, знаете ли, вас сегодня вообще не видел.

– Как это?

– Да так. Не видел – и все. В «Гиппопотаме» мы похватили разных негодяев, но вас среди них не было. Вы же честный человек. Человек с адвокатом. Джентльмен. Вы в такие места не ходите. У вас свобода выбора. Кто вас знает, как вы этой свободой распорядились и куда вы делись. Пропали. Подвалы тут глубокие. Кормят не то чтобы хорошо, но протянуть можно долго. А общество мне еще спасибо скажет. Большое спасибо. Даже, может, подарит мне золотые часы с какой-нибудь похвальной надписью.

– Вы не можете так поступить...

– Как – так? О чем вы вообще, простите? Я вас вообще не видел, вы разве не слышали?... Ладно-ладно, что вы так побледнели... Вернемся к нашим пагодам. Значит, свидетелей у вас нет. Это, конечно, нехорошо. А адвокат – вы что-то сказали про адвоката?

– Это... Ничего я не говорил. Какой адвокат?

– Да? Значит, мне показалось. Плохой знак, мало сплю. Все вас ловлю, а вы убегаете. Но вы мне даже симпатичн: такой человек – и без адвоката! То есть, я понимаю, что уж вы-то могли нанять их с десятков, с вашими-то доходами! Но вы – настоящий гражданин, а граждане должны идти друг другу на встречу, помогать, одним словом. Улавливаете мою мысль? Я так уже иду вам на встречу, протягиваю крепкую руку помощи: если вы ответите на интересующие меня вопросы, я не стану вешать всех этих покойников на вас, хотя и хочется... Ну, вы созрели? Или музыку включить? Дивная, кстати, музыка, вы не находите?..

Сакстон не находил.

– Итак, вопрос первый: что вы знаете о Патрике, о кабаке «У Гиппопотама» и о рахи-министическом заговоре? И что вас – вас! – связывает с этой вшивой компанией, носящей кожаные трусы?

Сакстон поглядел на меня искоса, мученически взял из пачки «Белую овцу» и закурил. В кабинете завоняло помойкой, и я включил кондиционер.

– Ну так как?

Мишель сосредоточенно курил. Я снова запустил кассету «Кретинос Бэнд».

Некоторое время мы молчали, только супермузыканты на все лады издевались над своими инструментами, а я пил в задумчивости пиво.

Жаль, если Мишель мне ничего не расскажет. Впрочем, не беда: бандитскую группу «Конфетка» мы и так выловим. Куда она денется? Два других бандитских господина уже не сдюжили музыки и признались, что в кабаке «У гиппопотама» помимо рахиминистических кадров собирались и мафиозные элементы, и некоторые из них до того втянулись в политическую жизнь, что тоже переоделись в кожаные трусы и носки. Иными словами, в кабаке Патрика имела место смычка оппозиционной партии с мафиозными образованиями со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Один рахиминист показал кстати, что при нем господин по фамилии Сакстон упоминал про плантации опиумного мака. Что, безусловно, интересно.

И вот господин по фамилии Сакстон сидит передо мной на привинченном к полу стуле и не желает отвечать на вопросы. Вместо этого он нервно курит сигарету без фильтра и распространяет зловоние.

– Мне надо подумать, – произнес наконец Мишель.

– Валайте, думайте... Вон там, на столе, возьмите бумагу, карандаш и набросайте на досуге, в камере, схему пути к опиумным полям, с которых вы снимаете дюжий урожай. – Я нажал на кнопку. – Жду вас буквально завтра в это же время. И чтобы я не забыл о вас, помните обо мне.

Вошел Кэннонбол Матс, один из старейших сотрудников управления, служивший еще при покойном герцоге: пузатый, угрюмого вида мужчина в форменной рубашке с закатанными рукавами и в черных брюках. Правое, весьма овролощенное запястье господина Матса украшала изящная цепь с серебряным полумесяцем. К слову сказать, Кэннонбол Матс – самый отчаянный сквернослов во всем управлении и в определенных жизненных ситуациях способен к поразительным речевым оборотам, что объясняется, конечно, богатейшим опытом службы и вращением в соответствующих кругах нашего населения, а также личным знакомством с Люлю Шоколадкой.

– Матс, – обратился я к нему, – отведите господина в его камеру. Проследите, чтобы он не зарезался карандашом и дайте ему послушать «Шесть маленьких в три ряда» из репертуара «Кретинос Бэнд».

Матс кивнул, шагнул к Сакстону и хлопнул его по плечу:

– Ну ты, самка мужчины, поднимай свой тощий зад. Пошли со мной, детка.

– Оскорбление! – ткнул в Матса пальцем вскочивший Мишель. Потом по лицу Сакстона пробежала легкая тучка недоумения: Мишель чувствовал, что Кэннонбол его как-то обозвал, но вот как – осознать был пока не в силах. (Действительно – самка мужчины... Раз есть такие звери, стало быть, должны быть и где-то, причем не так далеко, и самцы женщины. Ох, и сложна же жизнь в своих тонких проявлениях!)

Матс широко открыл глаза в удивлении: сегодня он был на редкость скромен в выражениях.

– Какое же тут оскорбление? – вступился я. – Просто господин Матс привык называть вещи своими именами. Зад у вас и правда тощий. Или вы не мужчина?.. Бумагу не забыли? Увидимся!

Дверь за Сакстоном и Матсом тихо закрылась.

...Ну зачем, зачем господину шерифу понадобилось срочно допрашивать этих бандитов, когда еще не найден Стэн Шатл и Арторикс не приведен полностью в человеческий вид, когда кругом полно другой, гораздо более важной работы? Ну зачем я торчу тут с этими идиотами и выуживаю малозначительные сведения о подпольных героиновых комбинатах и фабриках по производству красочных плакатов «Смерть Дройту»? Может быть, у шерифа мания величия?

Запищал селектор.

– Да?

– Шеф, – послышался голос дежурного, – к вам следует господин Шаттон. В руках у него ящик.

– Прекрасно. Не препятствуйте. Пусть следует. Вместе с ящиком... И пригласите ко мне мисс Энмайстер.

Я открыл ящик стола, где у меня устроен небольшой, но вместительный холодильник и достал очередную бутылку ледяного пива. Как и Шоколадка, я люблю, чтобы все необходимое было под руками.

В дверь слегка поскреблись, и на пороге появилась Лиззи – в обычном своем джинсовом костюме, с «береттой» на боку. Из-под челки блестел лукавый глаз. В правой руке Лиззи крутила узкие черные очки.

– Звал? – спросила моя боевая подруга, даря мне нежный воздушный поцелуй.

– Именно! – Я основательно приложился к пиву, подошел к ней и поцеловал в макушку. – Лиззи, приведи в действие кофеварку и сделай пару эспрессо: тебе и Люлю, который будет сейчас здесь. Я подумал, что тебе может быть интересно, чем он нас порадует.

Лиззи кивнула и ушла в угол кабинета, где между двумя креслами у меня для таких случаев была предусмотрена кофеварка. Механизм заработал: зашипело. Кому-то может показаться, что я пригласил Лиззи непонятно зачем: ведь, содержание нашей вдумчивой беседы тут же станет известно в ее отделе, ибо таков уж удел службы контроля за информацией, будет накручено на большие бобины или сразу оцифровано и помещено в банк данных. Но лично мне гораздо приятнее, когда мой голос записывает не просто какой-то бездушный магнитофон, но это происходит в личном присутствии контролера, тем более такого прелестного, как госпожа Энсмайстер. К тому же – как знать! – может, они выключают микрофоны в присутствии своих сотрудников.

Дверь без стука распахнулась: на пороге возник Люлю Шоколадка, облаченный в блестящую кирасу, поверх которой был надет неизменный зеленый верблюжий пиджак. По почкам Люлю хлопал легко узнаваемый «Хеклер-Кох Р7М13», а в пузо упирался довольно большой деревянный ящик.

– Приветик! – сказал он, по причине занятости рук делая энергичные жесты бровями, и продекламировал с пафосом: – Вот я стою пред тобой, Дройта Аллена посланник. Ящик руками держу, бросить куда – подскажи мне.

– Ящик ты на пол поставь, зад же приткни в эти кресла. Что ты вломился сюда, скорбный, с тяжелою ношей? – тут же нашелся я с ответом. Как приятно все-таки, когда знание гексаметра объединяет настоящих джентльменов!

Люлю хмыкнул, аккуратно поставил ящик у стола и плюхнулся в предложенное кресло. Лиззи уже несла дымящиеся чашки...

– Короче вот! – отпив глоток и благодарно оскалившись в сторону Лиззи, сказал Люлю и отодрал крышку у ящика. Мы заглянули внутрь и увидели там огромное количество черного цвета авторучек типа «Паркер».

– Это Аллен нашел в Арториксе, – объяснил Люлю.

– И?... – поинтересовался я, задумчиво глотнув пива.

– Эти штуки являются индикаторами роботов, – стал объяснять Люлю. – Наверное, для себя делали, сукины дети, на всякий случай. Ну мы проверили – как будто бы мин нет, никаких посторонних функций. А действуют так. Если ты, скажем, беседуешь с кем-то и интересуешься, не с роботом ли, не дай Бог, то надо посмотреть на эту фиговину. – Люлю выхватил из груды одну ручку. – И если твой собеседник – робот, если у него всякая механическая начинка имеется, то вот этот кончик у фиговины загорится красным. Поскольку не горит, значит, сейчас среди нас роботов нет. С чем я вас и поздравляю.

– Ну, спасибо, успокоил, – кивнул я Люлю, ставя на пол пустую бутылку. – И что дальше? Что нам делать с этим добром? Аллен сказал?

– А то! Надо проверить весь наличный состав и снабдить всех такими ручками. Во избежание. А кто красным загорится – того давить гусеницами.

– Я так и думал... И поручается, конечно же, мне, да?

Люлю радостно закивал.

– Смотри-ка, дорогой, – сказала вдруг Лиззи, которая с интересом разглядывала ручку, – смотри-ка, тут написано: «И Пэн».

4

Я вызвал инспектора Робсона, и весь остаток дня мы провели в страшно занимательном процессе инструктажа и проверки личного состава, в результате чего мне в который раз стало ясно, что силы полиции не так уж и велики. Впрочем, когда нам не хватало людей, мы обычно обращались к генералу Льяно, и он всегда выделял необходимое число солдат.

Когда с проверкой было покончено, и у каждого сотрудника торчал из кармана черный колпачок, имевший способность в нужный момент загораться красным, я положил оставшиеся индикаторы в сумку и вместе с Лиззи нанес визит на стадион «Олимпик», где вовсю работал сержант Майлс: он трудился над поступившими из Арторикса и изолированными от внешнего мира на стадионе тумпстаунскими гражданами, отделяя честных тумпстаунцев от нечестных роботов. Вокруг стадиона громоздились танки и бродили десантники.

Я появился в самый разгар преследования очередного механизма, которого при мне и задавили танком, отдал Майлсу остатки приборчиков фирмы «И Пэн» и очень этим его выручил: работа пошла быстрее. До того кустарными способами удалось выявить и раздавить всего тридцать семь механизмов. В нашем же управлении не нашлось ни единого, что – с одной стороны – радовало, а с другой – не могло не навести на размышления. Или гадский Вайпер со товарищи просто не успели окучить наше управление – но Шатла-то поменяли на робота однако! – или внедрение происходило какими-то иными способами, которые пока нам не открылись. От последнего соображения на душе делалось грустно. Погано жить, не зная, чего ждать от окружающих в следующую минуту. Может, специально для нас Вайпер изготовил пару-тройку десятков мужских вариантов модели «би»? Хотя и в них, сколько я могу судить, тоже хватает железа, просто оно упрятано поглубже.

Я поделился этими ценными мыслями с Лиззи и она, тряхнув челкой, согласилась с тем, что подобные мысли имеют полное право на существование. Действительно, мы настолько наловчились отражать любые прямые поползновения на нашу священную государственность, что любому желающему взять город под контроль должно быть ясно – если у него есть мозги, конечно, – что так просто, в лоб, нас давно уже не одолеешь; тут нужно что-нибудь особое. Традиционные методы воздействия, сказала моя боевая подруга, вроде подкупа или там шантажа, исключать нельзя, но склад ума и представления о действительности у выступающей против нас силы – совершенно определенно иные, теперь это можно сказать точно, так что... Ожидать можно самого странного. Сплошные непонятки.

– Ну, хорошо, – хмуро констатировал я и мы с Лиззи отправились назад.

По дороге мы сделали небольшой крюк и лично убедились в том, что тумпстаунское представительство «Арторикс компани» на Гардел-кэмп-стрит сметено с лица земли и лишь ветер носит там обрывки бумаг и пепел. Среди обломков бродили разъяренные тумпстаунские обыватели с разным оружием в руках (и меж ними флегматичный сержант Дукакис) и искали, кого бы еще покарать. Собравшиеся на пепелище громогласно обменивались впечатлениями и ругательствами, оживляя в памяти боевые сцены эпохи войны с варварами. Временами граждане от избытка чувств постреливали в останки роботов и в воздух.

Но тут к местам воинской славы с громкими криками (очень кстати, а то наши обыватели уже соскучились) подошла группа рахиминистов, и я вдавил в пол педаль газа.

– Знаешь, милый, – сказала вдруг Лиззи. – Я тебя, конечно, очень люблю, но совсем недавно поступили любопытные сведения. Наш отдел временно обезглавлен, и Дройт, пока его нет, велел делиться поступающей информацией с тобой. Так вот... – Она замолчала. Старый конспиратор и ветеран звездных войн, я прекрасно понял, чем вызвана эта пауза, кивнул и попросил Лиззи открыть бутылочку.

– Едем к Жаку, – сказал я, принимая пиво.

Мой выбор был мудр: заведение Жака Кисленнена на правах заповедника тумпстаунской старины пользовалось безусловной привилегией свободы от какого-либо прослушивания и подглядывания; за этим бдительно следил как сам Жак, так и два специально нанятых им человека с чемоданчиками, набитыми разной полезной электроникой. В свое время Стэн Шатл, едва будучи назначен главой отдела контроля за информацией, попытался было покуситься на исключительные права Кисленнена, упирая на пресловутое всеобщее равенство, но господин Дройт мягко осадил его, сказав, что никакого равенства на самом никогда нигде не было и никогда нигде не будет. По крайней мере, он такой перспективы не видит как в целом, так и в отношении «Трех кружек» в отдельности. Шатлу же, добавил г. Дройт, меньше надо читать книжек всяких с глупостями, потому что глупости эти разъедают общество изнутри, а мы этого не позволим.

Ну и понятно, что Жак Кисленнен, человек сурового нрава и твердых принципов, не пускает в свой трактир кого попало.

Вскоре мы были у «Трех кружек», безуспешно, но от души попинали ногами дверь с надписью «Пинать!», затем навалились на нее и проникли в полутемный коридор; выдали китайцу в майке два доллара за вход и направились в зал, к стойке.

– Привет, – буркнул Жак Кисленнен, угрюмо рассматривая ослепительно чистый «хайбол».

– Ага, – улыбнулся я. – И тебе, кстати, привет, вот такой большой, – я обозначил примерные размеры приветов руками, – от твоего брата Леклера.

Нужно было видеть, что сделалось с Жаком.

Жак выронил полотенце, стакан – и стакан пушечным залпом лопнул где-то под стойкой, – Жак засиял, он возликовал, он схватил меня в руки, он подтянул меня к себе и заорал почти в самое ухо:

– От Леклерчика?!

Я сопротивлялся как мог, но Кисленнен, несмотря на это, облобызал меня столько раз, сколько счел нужным, а потом бережно поставил на место и принялся расспрашивать, утирая слезы радости:

– Ну, как он там? Здоров ли? Все ли в порядке? – И дальше в таком же духе. Удивительно крепкая дружба братьев объяснялась, видимо, тем, что они никогда не встречались.

Я заверил Кисленнена, что все в порядке, и не далее, как день назад, я и Лиззи – вот она! – имели возможность и одновременно удовольствие наслаждаться обществом и винами Леклера; что и то, и другое нам очень понравилось, и лишь служебная надобность помешала продлить это занятие возможно дольше; что Леклер выглядит молодцом и не утратил силы рук и ног, а также и мощности голоса; что мы имели возможность и одновременно опять же удовольствие в компании с ним здорово пострелять, но теперь уже все обошлось; что Леклер получил под свое преимущественное покровительство целый город, точнее – то, что после наших игр и стрельб от города осталось, и намерен поднимать там коммерческую зону в лице виноградников и прочих не менее колониальных товаров... Кисленнен слушал, забыв вытирать набегавшую слезу, а когда я закончил, на весь трактир возгласил, что сегодня угощает общество за свой счет и рекомендует пить исключительно за здоровье этих – Жак указал толстым пальцем – достойных людей, после чего произвел нелишний при таких обстоятельствах салют из своего обреза, подарил нам по гильзе и продолжал, перекрывая рев ликования, воцарившийся после заявления о бесплатной выпивке:

– Все мое заведение к услугам таких людей как вы! Выпьем, черт возьми, выпьем! Нельсон! Сосиски! Пива! Быстро! Джаз нам!

Усадив нас за самую почетную бочку (в этой бочке был когда-то ямайский ром, которым угощался Колумб, о чем сообщала серебряная табличка) перед маленькой эстрадой, Жак тоже сел рядом, подбадривая и без того шустрого Нельсона выкриками.

Скоро бочка была уставлена стаканами, виски, пивом, а также закуской: тут были правильные сосиски по-венски, некрупный поросенок в яблоках, устрицы, раки и еще полно всяких вкусностей. Я даже испугался за свой желудок. Нет, я совершенно не комплекую по поводу того, что не могу съесть много, совершенно напротив – я в состоянии столько сожрать, что вам и не снилось, однако же я всего лишь человек, и мои возможности ограничены моими же размерами, а я некрупный... Но запахи, запахи, господа!..

Пока я медитировал, смиряя слюну, над фирменными Жаковыми пирожками с осетриной, занавес на эстраде, эпилептически дергаясь, поднялся и обнажил черную малюсенькую сцену, едва ли не полностью занятую концертным роялем со стародавней замысловатой, несомненно самого исторического происхождения царапиной на боку. За роялем сидел тощий Джо Тернер, что-то наигрывавший двумя пальчиками. Постепенно все присутствовавшие заметили открытие сцены и музицирующего Тернера, а он, воодушевившись установившейся тишиной, поднял выше свой длинный нос и пустил в ход уже все пальцы: проворно заиграл, неразборчиво гундоса, что-то похожее на «Бузера» Джона Скофилда. Странно, но у него это получалось, хотя я, привыкший к авторскому гитарному соло, до сих пор не мог себе представить, как это можно сделать на клавишах.

Потом перед роялем появился Мик «Бой» Гринвуд, невзрачный черный тип с голым блестящим торсом, в клетчатой кепке и в бесформенных камуфляжной раскраски портках. Мик вышел с бронзовой тарелкой на веревочке в одной руке и приличных размеров гвоздиком в другой. Рабочий конец гвоздика был чем-то слегка обмотан. Некоторое время Мик с интересом смотрел на усердствующего Тернера, а потом тоже вступил, застучал гвоздиком по тарелке.

Последним был как всегда Пузатый Лю, китаец и вообще большой молодец, который появился с другой стороны – с контрабасом (последовательность была такая: контрабас, живот, Лю) и с отсутствующим видом принялся энергично перебирать струны.

Это и было знаменитое трио «Пузатый Лю», краса и гордость кабака «Три кружки».

Отыграв «Бузера» и сорвав заслуженные аплодисменты, музыканты покашливали, попили пива, поковыряли в ушах и зубах, потом Мик «Бой» выволок из-за кулис и развернул прямо перед роялем, где, казалось, вряд ли что-то можно было поставить, полноценную ударную установку, вытащил из кармана портков палочки, уселся на ящик и застучал что-то бойкое. Постепенно подключились и остальные и вышла «Фиеста» Чика Кория, причем – с середины.

Публика прерывала музицирование аплодисментами и несодержательными, но полными живого огня выкриками.

Лиззи выразительно кашлянула и придвинулась ко мне вместе со своим табуретом.

– Так вот. Поступили сведения примерно такого содержания, – стала она шептать мне на ухо; Жак же притоптывал ногой и размахивал кружкой, слушая соло Пузатого Лю. – В Клокарде произошло вооруженное столкновение между ребятами из числа служащих «Шэлда» и служащими компании... – она помедлила, – «И Пэн». Понимаешь?

– Вот даже как? И отчего я не удивлен?... Ты умница! – Я невнимательно чмокнул ее куда-то в джинсовое плечо. – Теперь бы еще разобраться во всем этом.

– Да, конечно, ты не Шатл, – вздохнула Лиззи, и я укоризненно на нее взглянул. – Зря обижаешься, между прочим. У него свои достоинства, а у тебя – свои.

– А то! – признал я очевидное и отхлебнул пива. – Подробнее?

– О чем? О достоинствах? – тряхнула она челкой.

– О достоинствах поговорим под покровом ночи. О Клокарде. Вот в это ушко, – показал я пальцем. Лиззи приникла к ушку. По ее словам выходило, что глава «Шэлда» Моркан отрядил в Клокард целую армию в несколько десятков человек, как минимум три вертолета и три танка. Это полчище разогнало толкучку в клокардском Чайна-тауне, что само по себе

уже было неслабым деянием, и зачем-то измочалило билдинг компании «И Пэн». Здание сгорело почти полностью. Что стало с людьми Моркана, неизвестно.

– Неясно только, какого черта тамошний президент до сих пор не объявил нам, например, войну, – заметил я. – Может, он боится, а? Нет, правда, такое бывает, когда кто-то кого-то боится. И главное – внезапно: раз, и забоялся. Это же всего лишь служащие одной компании приехали. А если приедут государственные служащие? Как тут не забояться. А?

– Сама не понимаю. Но официальная нота уже лежит не столе у О'Рейли. Правда, насколько я знаю, ничего существенного там нет: общее недоумение и пожелание поскорее разобраться в этом инциденте. Выражения мирные.

– Ну да, ну да. Сначала Арторикс, потом этот поганый Вайпер со своими роботами, теперь Клокард, вокруг всего этого бегают рахиминисты чертовы и дружат с мафией почти в открытую, и всюду – «И Пэн». И что же с этим всем прикажете делать?..

– Обязательно прикажем, дружочек, непременно прикажем. Прямо сегодня вечером и прикажем, – вклинился в нашу беседу некто из-за спины, и я уже привскочил на предмет выхватить «беретту», но железная длань усадила меня обратно.

Позади нас, на соседней бочке сидел незаметно подкравшийся г. шериф со стаканом виски в руке. Дройт был во фраке.

– Да и ты хороша, – заметил он Лиззи. – Тебе же было сказано: говори в ушко. – Дройт ткнул перстом в указанное мною ушко. – А ты?

– Очень шумно, – пожаловалась Лиззи, засовывая пистолет обратно в кобуру.

Дройт улыбнулся и перевел взгляд на меня.

– Доводы дамы поражают логикой, – констатировал он. – Говорить о делах в трактире, даже в таком... Нет-нет, увольте. Мы найдем для этого место поспокойнее. Кажется, мисс Энмайстер знает что-то интересное про Клокрад? Я не все услышал.

Лиззи уронила на глаза челку (что означало кивок) и вонзила вилку в поросенка (о эти бесконечные поросята!). Шериф некоторое время наблюдал, как она жует, а потом приложился к стакану:

– Вот и правильно. Поговорим немного позднее.

Трио «Пузатый Лю» тем временем продолжало свое выступление, талантливо перелопачивая «My Spanish Heart» Чика. Кисленнен слушал, не отрываясь. Он вообще большой любитель Пузатого Лю и приятелей. Лично я предпочитаю оригинальное исполнение. Правда, послушать самого Кория мне не повезло – когда он в последний раз приезжал к нам, я как раз был занят перестрелкой с преобладающим противником километрах в десяти от Тумпстауна: на некружном, но вполне ухоженном хуторке мы обложили группу фальшивомонетчиков и держали их в осаде три дня, пока негодяи не сдались сами собой. За это время Чик как назло успел отыграть все концерты и укатил восвояси. Правда, мне повезло купить компакт с записью, но, как вы сами понимаете, это конечно не совсем то.

– Аллен, – заметил я, угощаясь куском поросенка, – а я думал, что ты еще в Арториксе.

– Я сам так думал, – ответил г. шериф, жуя зубочистку.

– Прекрасный вечер, – продолжал он через минуту, – и не лишенная приятности музыка. – Потом посмотрел на часы. – Однако уже полшестого. Вы что, друзья мои, собираетесь делать дальше?

– Было желание отдохнуть после трудовых дней и с толком потратить премиальные, – отвечала Лиззи, – но, судя по вашему, сэр, вопросу, нам предстоит нечто иное.

– По крайней мере, в ближайшие несколько дней, – кивнул Аллен. – Положение, как ты, Сэмивел, верно заметил, слишком сложное. Да и потом: надо же найти начальника мисс Энмайстер. Я про Стэна Шатла. Куда они его подевали?..

Тут раздался дикий крик, и мы отвлеклись. Оказалось, что в трактир ползком пробралось несколько переодетых рахиминистов, один из которых толкнул по природной грубости

какого-то посетителя и тут же справедливо получил в ответ табуретом по морде. Товарищи поверженного не остались в долгу: в один момент воздух наполнился предметами, выстрелами и ревом. Пузатый Лю что-то скомандовал своему трио, и они заиграли в бешеном темпе регтаймы – один за другим. Жак, опрокидывая табурет, вскочил.

– Портить нам такой вечер?! – возопил он, размахивая руками, и ринулся в темноту, прочь от эстрады – туда, откуда доносился шум сражения и топот ног, и где, без сомнения, требовалось его присутствие.

Набежали и на нас какие-то люди, но я отразил их ударами правой ноги, а одного бутылкой из-под виски свалила Лиззи.

– Прекрасно, – заметил не принимавший участия в побоище шериф, – самое время уходить. Не так ли? Кстати, Сэмивэл, дружочек, тебя ведь приглашал сегодня Тамура, наш уважаемый князь, и приглашал вовсе не для того, чтобы помахать мечами, а на званый вечер. Ты что, не собираешься идти к сиятельному князю? Тем более что поговорить надо.

– Уже иду, – кивнул я, вставая не без сожаления: на бочке оставалось еще полно всего неопробованного, приятно щекочущего ноздри ароматами.

Мимо, отчаянно воя, пролетел в сторону сцены некто, но был встречен там дружелюбным пинком и без чувств рухнул на пол.

Дройт тоже поднялся.

– Пойдемте наверное?

Мы двинулись к выходу.

У дверей, которые «пинать», в поте лица трудился Жак: он вышвыривал на улицу всех, чье присутствие считал нежелательным. «А рахиминисты – никогда!» – пыхтел доблестный трактирщик. Рядом с ним на подхвате орудовал китайский вышибала.

– Господин Кисленнен! – легко похлопал его по плечу г. Дройт. – Я похищаю ваших гостей. Извините. Государственные дела!

– Здравствуйте, Аллен! Извините, что так (удар по чьей-то роже) все вышло (пинок, и кто-то, открыв собой дверь, вылетает на улицу). Всегда вам рад! А рахиминистам – никогда!

Выбравшись наконец на улицу и перешагнув через тела, мы сказали «вольно» сержанту Моррисону, складывавшему поверженных в штабель у стенки, перешли через дорогу и заглянули в магазин «Мойра бутик». Здесь Лиззи минут десять примеряла вечерние платья, пока, наконец, не выбрала. Я же купил приличествующий случаю смокинг, после чего мы уселись в «мерседес» г. шерифа и благополучно отъехали.

5

Званный вечер в «Тамура-хаус» имеет обыкновение начинаться в шесть часов пополудни, тогда как ночь на Тумпстаун как правило опускается в девять. Уже с без четверти шесть званные гости – а иных у князя Тамуры не бывает или это уже не гости – прибывают непрерывным потоком, поэтому когда без семи минут шесть г. шериф подвел «мерседес» к особняку Тамура, места на стоянке было не сыскать: разномастные автомобили полностью забили прилегающую улицу.

– О! – сказал Дройт, вертя головой. – Весь наш свет прибыл.

– Да, – согласился я. – Похоже.

Лично мне званные вечера не очень-то по душе, потому что очень уж много бывает народу, а главное – делать ровным счетом нечего: ни тебе в карты поиграть, ни выпить как следует пива. И нужно все время кланяться, приседать, вести разные бессмысленные, но очень учтивые разговоры и улыбаться, улыбаться, улыбаться... Дипломатия – не моя стихия, мне бы чего попроще: всегда вспоминаю в таких случаях сержанта Майлса с его «Томмиганом» и знаменитой фразой «Приятно серебром бить по морде бандитскую сволочь». По мне лучше уж сидеть у Кисленнена.

Господину шерифу пришлось здорово потрудиться, прежде чем мы нашли место для парковки.

– М-да, – глубокомысленно заметил г. Дройт, хлопнул дверцей и задрал голову для обозрения фасада, – знаешь, Сэмивэл, каждый раз, когда я вижу этот особнячок, мне на ум приходят замки времен Тайра.

Здесь, конечно, г. шериф несколько погорячился: в городе у Тамура не замок, а так, пятиэтажный городской дом, с широчайшей черепичной крышей, на коньках которой восседают по росту львы (по крайней мере, знающие люди опознают их как львов). А настоящий замок у сиятельного князя за городом. Вообще г. Тамура располагает значительным количеством недвижимости в Тумпстауне и ок(рестностях), в некоторых домах живет лично, некоторые предоставляет друзьям, прочие же сдает внаем приличным людям.

– Все-таки господин князь – большой молодец! – Дройт закончил созерцание фасада и мы двинулись ко входу: впереди г. шериф, следом я, под руку с Лиззи в вечернем платье. С дамой под руку.

В это мгновение сзади заскрипели тормоза, и г. шериф живо обернулся:

– Дорогая!

Действительно, рядом с покинутым нами «Мерседесом» втиснулся еще один автомобиль – «ягуар» мадам Дройт, и она сама при помощи сверкающего лысым черепом Джереми как раз вышла из него.

Дройт направился к супруге, поклонился и поцеловал ей руку. Мэрил была в вечернем туалете, не поддающемся описанию: там были какие-то кружева, что-то свисало, что-то блестело, имелся и шлейф, старательно поддерживаемый силами садовника. Хорошо просматривалось, услаждая взор, и приличествующее случаю и общественному положению декольте с подобающим ожерельем... Волосы Мэрил были уложены в опять-таки не поддающуюся описанию прическу, покрытую жемчужной сеткой.

– Подари мне жемчуга... – прошипела Лиззи и наступила незаметно мне на ногу каблучком.

– Когда выйдешь за меня замуж... – углом рта отвечал я, ослепительно улыбаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.